

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматриваются понятия «культурная память» и «культурная идентичность» в теоретико-методологическом аспекте. Утверждается, что доминирование постмодернистской парадигмы интерпретации этих понятий привело к «войне за память» и «битвам за идентичность». Ставится проблема поиска онтологических оснований культурной памяти.

Ключевые слова: культурная память, коллективная память, историческая память, идентичность.

In article the concepts "cultural memory" and "cultural identity" of theoretical and methodological aspect are considered. It is claimed that domination of postmodern paradigm of interpretation of these concepts has led to "a war for memory" and "fights for identity". The problem of search of the ontological bases of cultural memory is put.

Keywords: cultural memory, collective memory, historical memory, identity.

Концепты «культурная память» и «культурная идентичность» стали актуальными в гуманитарных науках в течение нескольких последних десятилетий. В пространстве гуманитарных исследований возник особый междисциплинарный «сегмент» – *memory studies*, который вобрал в себя труды по социологии, философии, истории, культурологии, культурной антропологии и пр. Причем внутри *memory studies* нет методологической ясности, и с выходом каждой новой публикации клубок понятий лишь более запутывается. В качестве синонима понятия «культурная память» употребляются понятия «коллективная память», «историческая память», хотя среди учёных встречаются попытки провести демаркационную линию между ними [10].

Сама по себе попытка разобраться в научных понятиях объяснима – это естественный признак формирующейся (или недавно сформировавшейся) исследовательской парадигмы. Опасения вызывает экстраполяция этих понятий в социальную и политическую сферы. Результаты исследований в области *memory studies* и идентичности используют политтехнологи и PR-технологи. Такие понятия как «война за память», «борьба за память», «борьба за дискурс», «политика памяти», «индустрия памяти» заняли прочное место и в научных исследованиях, и текстах СМИ, влияющих на формирование массового сознания, и стали реалиями современной социокультурной ситуации.

Почему вокруг понятия «культурная память» создалась ситуация, которая, с одной стороны, является источником методологического хаоса, а с другой стороны, и возможным источником социальной напряженности – с другой? Во многом это связывается с наследием эпохи постмодерна, с её философскими основаниями.

В исследованиях феномена культурной памяти замечен отход от эссенциалистской парадигмы философствования и доминирование конструктивистской парадигмы. Эссенциалистская парадигма наделяющая память онтологическим статусом, сформировалась еще до того, как в научный оборот вошло само понятие «культурная память». К проблеме памяти обращались философы, начиная с эпохи Древней Греции. В начале XX века в трудах представителей философского крыла русского символизма была создана концепция памяти как онтологической основы культуры (П. А. Флоренский, Вяч. Иванов).

В XX веке понятие памяти как предмета исследования было актуализировано в рамках семиотики, и связано с трудами Ю. М. Лотмана, с точки зрения которого «... культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. *надиндивидуальный* механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т. е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы...» [7, с. 201]. Понятие культурной памяти Ю. М. Лотман разрабатывал в рамках своих исследований коммуникативно-трансляционной функции культуры. «... Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и «как бы перестает существовать».

Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно-существующим, может оказаться «как бы не существующим» и подлежащим забвению, а несуществовавшее – сделаться существующим и значимым...» [7, с. 201].

Позицию Ю. М. Лотмана сложно причислить к конструктивистской парадигме. На наш взгляд, она вписывается в парадигму онтологическую. Культура – это хранилище информации, информации закодированной. Но закодированы представления о реальности! Каждая эпоха создает свои коды и последующие ищут способ декодирования.

Несмотря на то, что само понятие «культурная память» было введено Ю. М. Лотманом (и это признает «классик» *memory studies* Ян Ассман), исследовательский тренд *memory studies* лежал в иной плоскости, вытекал из социологического анализа коллективных представлений, коллективной памяти, рассматриваемой в рамках конструктивистской парадигмы.

У истоков это «тренда» стоял социолог Морис Хальбвакс, который, опираясь на выводы Э. Дюркгейма о коллективных представлениях, показал, что коллективная память – это *конструкт*, то есть те особые формы «присутствия прошлого» в настоящем, которые формируются и живут в рамках социальных институтов (школа, религия, класс, семья) [13].

Эти положения легли в основу трудов Яна Асмана, который интерпретировал понятие «культурная память» как «механизм трансляции основных смыслов, создающих целостность той или иной цивилизации. Эти смыслы выступают как «символические фигуры», одной из которых является миф. «... Для культурной памяти важна не фактическая, а воссозданная в воспоминании история (курсив мой. – Ю.А.) <...> в культурной памяти фактическая история преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть в миф...» [2, с. 54–55]. Культурная память, по Ассману, – важнейшая форма коллективной идентичности, которая закрепляется в практиках ритуальной коммуникации и нуждается в особом роде носителях: шаманах, бардах, жрецах, учителях, художниках, писателях, учёных и пр. [2, с. 56]. Важно подчеркнуть, что Ассман не наделяет коллективную идентичность онтологическим статусом, а пишет о ней как о *фикции*: «... то, что этим понятием обозначается, является в свою очередь фикцией, продуктом социального воображения. Фиктивность, или же метафоричность, выражения «коллективная идентичность» состоит <...> в исключительно символической реальности подразумеваемого им членства...» [2, с. 140]. Ян Ассман также высказывает важную мысль о том, что коллективная память не имеет ничего общего с историей (как наукой). И эту мысль разовьет в дальнейшем его последователь.

Параллельно с разработкой понятия «культурная память» (которое активно употреблялся в немецкоязычной научной литературе), разрабатывается понятие «историческая память» (во французской исторической науке). В этом контексте важны работы французского историка Пьера Нора, который концептуализирует уже намеченное Яном Ассманом *противопоставление памяти и истории*. «... Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной революции... История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого...» [12, с. 19]. По мнению Нора, последним воплощением истории-памяти оказалась нация-память.

В целом для постмодернистской философии и исторической науки характерна тенденция к разведению понятий «память» и «история» и их противопоставлению. П. Хаттон подчеркивал: «... С этой точки зрения, память является не скрытым основанием истории, как считали сторонники историцизма, но скорее внутренней деятельностью живого сознания, которую никогда не удастся восстановить <...> Историки не могут надеяться на возвращение к источникам изменчивых образов живой памяти, утверждают постмодернисты. Но они могут описать, как запомнившееся прошлое оказалось со временем воплощенным в мемориальные формы...» [14, с. 16]. Эта позиция позволяет рассматривать историческую память как «... функцию власти, определяющей, как следует представлять прошлое. В конце концов, проблема истории оказывается проблемой политики

коммеморации, то есть, проблемой идентификации и описания тех событий, идей или личностей прежнего времени, которые избираются посредниками власти для хранения в памяти...» [14, с. 16].

Таким образом, постмодернистское понимание культурной памяти вписывается в конструктивистскую парадигму, что и приводит к конкуренции конструкций, перерастающей «бои за память». В качестве примера приведем материалы семинара «Война памяти: культурная динамика в России, Польше и Украине», прошедшего в Кембридже в 2010 году под руководством профессора Александра Эткинда. Фактически все выступления на этом семинаре утверждали антиэссенциалистскую позицию в понимании культурной памяти. Квинтэссенцией этого подхода можно считать доклад профессора Йельского университета Джея Уинтера «Размышления о тишине». По мнению Уинтера «...не существует «памяти» *per se*: воспоминания изменчивы, они артикулируются в речи, по-иному «проговариваются» в разных контекстах...». Для ученого важно перенесение дикурса о памяти в публичное пространство «...вынесение за пределы Академии знания о травмах и посттравматическом опыте для переопределения национальной и личной памяти...» [5].

Перенесенная в публичное пространство проблематика культурной памяти актуализирует и проблему культурной идентичности. Понятие идентичности не менее сложно и многозначно, чем понятие культурной памяти. В самом широком смысле можно принять определение, предложенное А. П. Садохиним: «... Культурная идентичность – самоотождествление индивида с какой-либо определенной культурой или культурной группой, с принятыми в них формами и нормами поведения, с культурной картиной мира, формирующими ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом...» [11, с. 47].

Публикации по проблеме идентичности за последнее десятилетие позволяют сделать вывод, что среди исследователей преобладает интерес к коллективным «мы-идентичностям», среди которых выделяются культурная и цивилизационная идентичность. Здесь также сталкиваются две парадигмы: позиция, приписывающая «мы-идентичностям» онтологический статус, считающая их чем-то объективным и реальным, а вторая позиция – рассматривающая коллективные идентичности как феномены сознания.

Большинство исследователей стоит на позиции понимания идентичности как конструкта (особая роль в этом конструировании принадлежит средствам массовой информации, системе образования). При этом важнейшими проблемами в конструировании культурной идентичности являются проблемы национальные и этнические – «...одни из наиболее острых и болезненных в современном мире. Это явление (получившее в литературе название «этнический парадокс») стало своеобразной реакцией на тенденции нарастающей унификации духовной и материальной культуры в условиях глобализации...» [15, с. 10].

Особенно актуализируется проблема культурной идентичности в эпоху глобализации. И здесь явственно отражается связь понятий «культурная память» и идентичность – открывается «второй фронт» «боев за память», являющийся противостоянием между сторонниками понимания культурной памяти как основы национальной идентичности (памяти нации) и сторонниками концепции «глобальной памяти». Национальная память основана на поддержании в массовом сознании оппозиций «свои – чужие», «друзья – враги» и представлена двумя «конфликтными нарративами»: с одной стороны – нарративом героев-победителей, с другой – виктимным национализмом (представляющим нацию как жертву). У глобальной памяти есть «...свои герои и мученики – борцы за права человека, защитники угнетенных, а также, что очень важно, гении человечества, внесшие неоценимый вклад в мировую культуру...» [4]. Особенно остро этот конфликт ощущается в сохранении памяти о Второй мировой войне. В качестве примера можно привести память о Холокосте, которая сегодня становится «парадигматическим местом» не только европейской, но и глобальной памяти. Но как полагают исследователи, в данном случае «... речь идет о конструировании определенного мифа: <...> определенные исторические события используются для того, чтобы обосновать значимость самой идеи глобального единства...» [9, с. 21]. В ответ на это со стороны приверженцев концепции

национальной памяти наблюдается отрицание Холокоста как главного травматического события XX века, происходит конкуренция за «статус жертвы».

В нашей стране активно ведутся исследования феномена белорусской идентичности [8], и в этом процессе, по замечанию Д. К. Безнюка, также идет «борьба за дискурс». По убеждению того же автора, существует два проекта идентичности – *этнический* проект идентичности и проект *гражданский*. «... «Этнический» разворачивается в плоскости онтологии нации, ее физического субстрата, оформленного культурно-языковыми программами и предполагающим базовой ценностью *различение*. «Гражданский» прогноз видит будущее идентичности в гражданской общности, которая оформляется государством и его институтами. Базовая ценность, которая выступает основой будущего – *синтез*...» [3].

Исследователи утверждают, что пребывание в рамках «мы-идентичности» в современном сложном мире создает дискомфорт для индивида. Выходом из рамок идентичностей может стать разрабатываемое сегодня понятие *гибридных* идентичностей. Гибридная идентичность может возникать как на уровне индивидуального сознания (когда индивид чувствует себя принадлежащим сразу нескольким культурам), так и на уровне коллективной культурной идентичности (когда инокультурные явления органично вплетаются в ткань существующей культуры, становятся её частью). «... Современный человек, – пишет И. Яковенко, – осознает себя носителем широкого набора разнообразных идентичностей. Конфигурация такого набора выражает человеческую уникальность, сочетает объективное и субъективное, заданное по факту рождения и избранное, общее, типичное и особенное, специфичное только для этого человека <...> По мере разворачивания истории пакет личных идентичностей нарастает. Причем движение от традиционного общества к модернизированному резко расширяет поле социального и культурного выбора...» [16, с. 517].

Примерами гибридных «мы-идентичностей» могут служить *пограничные* культуры, какой является и белорусская культура. При этом пограничье рассматривается не столько как возможность познания Другого, как способ обретения собственной идентичности.

Исследования по проблеме идентичности приводят к выводам, что для современного мира характерна «исчезающая идентичность», а «мы-идентичности» находятся в кризисе. Распад традиционных «мы-идентичностей» (этнических и национальных) ведет и к кризису «Я»-идентичности, что в итоге выливается в цинизм как культурный принцип, присущий постмодернистской эпохе. Возможно, концепция мест памяти, выдвинутая Пьером Нора, может быть рассмотрена как один из вариантов противостояния подобному цинизму и выхода из кризиса идентичности: «места памяти», призванные сохранять память группы людей – это своеобразная компенсация утрате коллективных идентичностей в современную эпоху.

В рамках доминирования конструктивистского подхода к анализу понятий «культурная память» и «культурная идентичность» вряд ли удастся остановить битву интерпретаций и «войну за память». Выход возможен в поисках онтологических оснований этих феноменов. На наш взгляд, полный отказ от онтологизма в трактовке данных понятий и тотальный конструктивизм могут привести к утрате механизмов культурной трансмиссии, а значит, и целостности культуры. Нахождение в состоянии перманентной «войны за память» создает дополнительное напряжение в обществе. Здесь важен осторожный взвешенный подход к работе с этими понятиями, особенно когда они выходят за пределы научного дискурса и попадают в социальное и политическое поле, чтобы борьба интерпретаций, битвы за то, ЧТО и КАК помнить, а ЧТО и КАК забывать, не привели бы к новым социальным катаклизмам.

Литература:

1. Аленькова, Ю. В. Феномен культурной памяти: проблемы философско-культурологического осмысления / Ю. В. Аленькова // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А.А. Кулешова 2017 г.: материалы научно-методической конференции, 26 января-8 февраля 2018 г. / под ред. Е. К. Сычовой. – Могилев: МГУ имени А.А.Кулешова, 2018 – С. 6-8.
2. Ассман, Ян Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Асс-

- ман / Пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. Безнюк, Д. К. Современная белорусская идентичность: методологические и социальные реалии / Д. К. Безнюк // *Белорусская идея: история и реальность. Национально-государственная идентичность и общественные настроения в странах Евразийского экономического союза*: Сб. ст. / Сост. П. В. Святенников. – Москва : АНО «Аналитический центр инновационных проектов и технологий», 2016. – С. 57-75. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/1513-sovremennaya-belorusskaya-identichnost-metodologicheskie-i-sotsialnye-realii.html> – Дата доступа: 18.10.2017
 4. Глобальная память: культура исторической ответственности в XXI веке. Реакция на новое начинание: интервью Geffer.ru с авторами инициативы исследования глобальной памяти. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://geffer.ru/archive/19185>. – Дата доступа: 21.12.2017.
 5. Зверева, Вера. Сражения за память, войны воспоминаний. Научный семинар «Война памяти: культурная динамика в России, Польше и Украине» / В. Зверева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/107/zv51-pr.html>
 6. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: Коллективная монография / Новый ин-т культурологии; отв. ред. Н. А. Кочеляева. – Москва : Совпадение, 2015. – 168 с.
 7. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман // *Избранные статьи*. – Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 200-202.
 8. Науменко, Л. И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика / Л. И. Науменко. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 205 с.
 9. Пахалюк, К. А. Глобальная культура памяти: истоки и перспективы / К. А. Пахалюк. // *Историческая экспертиза. Журнал рецензий*. 2017. – № 2. – С. 17-25.
 10. Рагозина Т. Э. Культурная память versus историческая память / Т. Э. Рагозина // *Наука. Искусство. Культура*. – 2017. – №3 (15). – С. 12–21.
 11. Садохин, А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие / А. П. Садохин. – Москва : КИОРУС, 2014. – 254 с.
 12. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / пер. с фр.: Дина Хапаева. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – С. 17-50.
 13. Хальбавкс, Морис Коллективная и историческая память / Морис Хальбавкс // *Журнальный зал Русского Журнала: Неприкосновенный запас*, 2005 – №2-3 (40-41). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> – Дата доступа 19.12.2017.
 14. Хаттон, П. История как искусство памяти / П. Хаттон. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 424 с.
 15. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты / Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. – Москва : Прогресс-Традиция, 2011. – 1024 с.
 16. Яковенко, И. Г. Идентичность и диалог / И. Г. Яковенко // *Вопросы социальной теории: Научный альманах*. – 2010. – Т. IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю. М. Резника и М. В. Тлостановой. – Москва : Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории». – С. 513–518.